

Владимир Глухов Качим-кермек. Возвращение

Владимир Иванович Глухов

Качим-кермек. Возвращение

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41866635

Качим-кермек. Возвращение. Владимир Иванович Глухов. Живопись, графика: Литагент «ИП Князев»; 2017

Аннотация

Книга Владимира Глухова «Качим-кермек» является продолжением книги «Качим-кермек», вышедшей в 2001 году.

Качим-кермек – псевдоним В. Глухова.

Качим и кермек – это два вида степных растений. Осенью эти растения засыхают и, сцепившись, образуют огромные шары перекаати-поля.

Качим-кермек – перекаати-поле как псевдоним раскрывает внутренний и внешний мир художника и писателя Владимира Глухова, кочевника и дервиша по жизни.

Авторские тексты, рисунки, живописные произведения посвящены постоянному движению автора в поисках утраченной родины.

В этом издании представлены репродукции картин художника, являющиеся собственностью Юлии Владимировны Вербицкой, коллекционера, мецената, президента благотворительного Фонда поддержки искусств и музейной деятельности «Русские меценаты».

Содержание

Вступительное слово	6
Мир Востока	11
Кто вы, мр. Глухов?	15
Шелка времен – бессонница интеллектуала	22
«Мультикультурализм» Владимира Глухова	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Глухов

Качим-кермек.

Возвращение

Министерство культуры Российской Федерации

Государственный музей Востока

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом Государственного музея Востока

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГМВ

Автор текста Владимир Глухов
Перевод на английский Евгений Федотов
Фотограф Павел Анущенко

Вступительное слово

Этой книгой Фонд поддержки искусств и музейной деятельности «Русские меценаты» открывает серию публикаций, посвященных отечественному искусству и его заметным представителям.

Учредитель Фонда – известный общественный деятель, председатель Третейского суда строительных организаций города Москвы, меценат, искусствовед и коллекционер, кандидат юридических наук Юлия Вербицкая.

Мне, как декану факультета искусств, особо приятно отметить, что Юлия Вербицкая, являясь студенткой факультета искусств Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, представляет из себя человека не только ищущего истинное «зерно» в науке, но и применяющего полученные в стенах *alma mater* знания на практике.

Основная задача Фонда, основанного Юлией Вербицкой, состоит в информационной и коммерческой поддержке отечественных учреждений культуры и лиц, занимающихся художественной деятельностью – художников, скульпторов, фотографов, – людей искусства.

О славных традициях отечественного меценатства, оставивших столь заметные следы в истории русской культуры, говорилось и писалось уже немало, в особенности – в последнее время, когда властно заявила о себе необходимость частной инициативы в благородном деле поддержки разнообразных культурных проектов, инициированных как самими художниками, так и общественными учреждениями, за-

нятыми в данной сфере.

К сожалению, традиции меценатства, драматически пресекшиеся за время советской власти, строго ограничивавшей частную инициативу в любой сфере деятельности во имя утверждения коллективно-государственных ценностей, возрождаются медленно и тяжело.

Я рад констатировать, что глава Фонда «Русские меценаты», студентка факультета искусств МГУ Юлия Вербицкая стремится в первую очередь привлечь внимание к неблагоприятному положению дел в этой сфере и собственным примером направить в нужную сторону благие инициативы всех тех, кому небезразлично состояние художественной жизни в России. А она нуждается в помощи – десятки музеев по всей России, особенно за пределами Москвы, могли бы значительно интенсифицировать свою деятельность осуществлением различных образовательных и выставочных проектов благодаря поддержке благотворителей, не говоря об отдельных художниках, которые бы получили мощный стимул в реализации собственных планов.

Юлия Вербицкая давно занимается осуществлением подобных проектов. Основная сфера ее интересов связана с сохранением и популяризацией произведений советского изобразительного искусства среднеазиатских республик, в первую очередь Таджикистана. Трудная судьба этого региона в последние годы существования советской власти и позднее затруднила изучение этого художественного материала.

А между тем он имеет не только историческую, но и большую эстетическую ценность, представляя творчество целой плеяды исключительно одаренных мастеров абсолютно разных национальностей, соединивших своими судьбами Запад и Восток.

В результате этого синтеза культур традиционные восточные мотивы оказались претворенными у них в формате станковой живописи, с эпохи Возрождения характерной для западноевропейского искусства. Мастерское владение техникой и академическими умениями соединились со свойственной Востоку созерцательностью в восприятии жизни и иногда даже сказочным началом. Сюда же можно добавить традиционную для советской реалистической школы тему прославления трудовых доблестей и свойственную Востоку иноязычность, склонность к абстракции, символизм.

Сложная комбинация культурных парадигм превратила этот художественный феномен в исключительно интересный материал для изучения, и благодаря деятельности Фонда знакомство с этой небольшой, но крайне интересной частью мировой художественной культуры становится возможным не только для специалистов, искусствоведов, историков искусства, но и для широкого зрителя.

Серия публикаций, инициированных Фондом «Русские меценаты», открывается книгой, посвященной оригинальному мастеру живописи Владимиру Глухову, заметному представителю современного ориентализма. Я надеюсь, что она

будет полезной для всех, кто интересуется судьбами отечественного искусства, его прошлым и, конечно же, Азией, Средней Азией.

А.П. Лободанов,
декан факультета искусств,
академик Болонской Академии наук,
профессор.

Мир Востока

Изобразительное искусство Востока – грандиозное и блистательное явление, развивающееся сегодня перспективно и динамично. Своими корнями оно уходит вглубь веков, но древнейшие традиции не продолжают в нем напрямую. Обогатившись всеми достижениями классического западного искусства, традициями русской живописной школы, претерпев значительные изменения, современное изобразительное искусство Востока превратилось в удивительный и самобытный феномен. Причина, объясняющая устойчивый интерес к духовному наследию азиатских регионов, – востребованность их мощного потенциала. В величии былых цивилизаций современное общество ищет пути и формы сохранения национальной культуры, своей самоидентификации. Интерес к Востоку из экзотики и роскоши для избранных превратился сегодня в тотальную увлеченность, не знающую возрастных и географических границ.

Отдавая дань этой увлеченности, мы вновь, спустя почти четыре года, открываем в стенах нашего музея выставку работ Владимира Глухова. Идеи и образы этого мастера, выросшего и сформировавшегося как художник на земле Таджикистана, знакомы и любимы многими ценителями живописи не только в России. Его творчество характерно и узнаваемо по стилистике – это традиционная станковая картина, где сочетание большого интереса к жанровым сценам уживается с глубокой мистической метафоричностью. Идеи его

картин часто выражены не в сюжете, а в художественных особенностях полотна. Особый, в чем-то – сакральный смысл и ассоциативность, композиционная организация пространства, изящество ритмов и форм, насыщенный солнечный колорит и графическое изящество рисунка, медитативный настрой в сочетании с суровым аскетизмом – все это характерно для работ Владимира Глухова.

От лица всего коллектива Государственного музея Востока я выражаю искреннюю благодарность всем участникам и организаторам проекта. На наш взгляд, он получился очень интересным, востребованным и нужным. Во многом это произошло благодаря команде профессионалов, собравших эту выставку, трудившихся над выпуском альбома. Особенно хотелось бы отметить роль Юлии Вербицкой, прекрасного коллекционера и бескорыстного мецената, для которой творческие и научные интересы служат важным стимулом в общении к культуре Востока, его древней и мудрой философии, ритмической красоте и высокой эстетике.

Нам кажется очень важным, что Государственный музей Востока продолжает оставаться одной из лучших площадок для культурного и интеллектуального обмена. Где встречаются Запад и Восток, где помимо сохранения, изучения и популяризации традиционного искусства пристальное внимание уделяется современным мастерам. Нашему музею важно не упустить и собрать этот пласт изобразительного искусства Востока, комплектовать и показывать пока еще мало изучен-

ных художников, тех, кто будет представлять культуру восточного региона в будущем.

От всей души желаю данному проекту успеха и процветания, а художнику Владимиру Глухову – много новых и интересных работ.

А. В. Седов

Генеральный директор Государственного музея Востока

Кто вы, мр. Глухов?

Я часто думаю о том, что художник, скульптор представляет собой уменьшенную модель Творца-Демиурга.

Повинуясь некому загадочному внутреннему импульсу, рождается желание творить, заполняет собой подобно жидкости или некой странной субстанции чашу художничьей души и переливается, изливается из нее в мир. Вот такая странная, метафизическая картина творчества стоит перед моим внутренним взглядом и воображением.

Самое захватывающее – то, как художник сам видит, слышит, чувствует и осязает цвета, с которыми он работает... Обсуждая с Владимиром Ивановичем Глуховым в процессе его творчества одну из работ, я вдруг услышала странную фразу: «Не нравится она (картина – прим, автора) мне, ее надо переделать, она дребезжит!» Посмотрела – и правда, «дребезжит» ведь! Все на ней дребезжит. И небо, пестрое, серпасто-молоткастое дребезжит, и старенький, раздолбанный велосипед дребезжит, и ржавые ворота – дребезжат и еще к тому же поскрипывают! И в этом обилии звуков – русская деревня моего детства, дача. И она не нуждается в «переделке», потому что схвачена так точно, так правильно... Именно такой я ее помню, слышу и ощущаю.

Творчество Владимира Ивановича Глухова привлекает внимание сразу. Оглушает буйством красок, ослепляет открытым цветом, не по-среднерусски ярким, откровенным светом и контрастными тенями Азии. Такими острыми те-

нями, что о них можно порезаться...

Но ярких картин много. В США, например, существует целое направление, изучающее воздействие цвета и света на сознание, эмоции и психику человека. За научными исследованиями внимательно наблюдают художники и воспроизводят на своих полотнах то, что вызывает положительные эмоции: счастье, любовь, тепло, стабильность, и тогда их покупатели – владельцы элитной недвижимости в северных штатах. Или же, напротив, изображают они на своих полотнах неясные формы серых, белых или песочных оттенков, что должно символизировать покой, отрешенность, пустоту – одним словом, ненавязчивость – к этому тяготеют юг, отельеры и рестораторы побережья Флориды и Калифорнии. Американские художники практичны. Они изучают спрос и не расходуют, не выплескивают, в отличие от русских, свою душу на холст. Сильное воздействие на зрителя у них не принято и считается подчас чуть не дурным тоном.

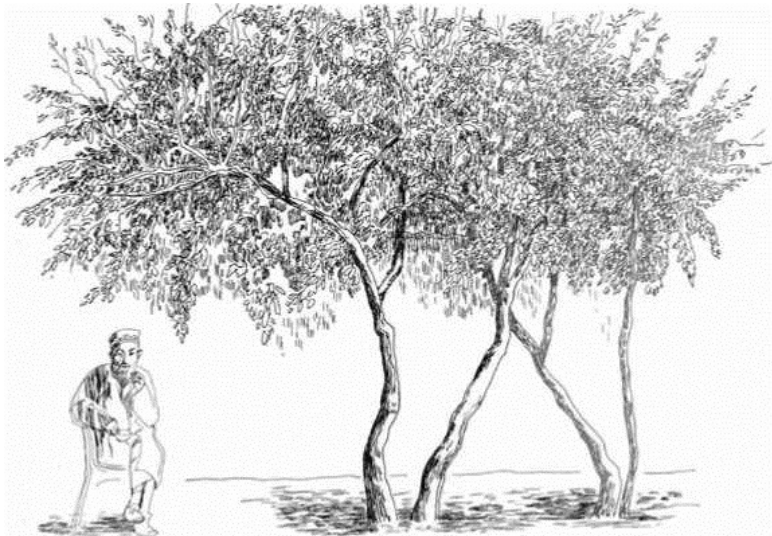
Глухов не таков. Не стесняясь в выражениях, обрушивает он на зрителя содержание себя, своей души. Его Азия: немного – сказочная, немного – современная, и его Россия, наполовину лубок – наполовину документальная хроника. Его манифест: объединить их, поженить лукавую восточную Зульфью и мятежного, часто скандального, иногда пьяненького, но искреннего и доброго душой Васю.

Работы художника, все или почти все, содержат в себе загадку. Попробуй ее увидеть, попробуй разгадать – вот и ра-

бота души, взаимодействие ее с высоким творчеством.

Создатель во всех религиях мира наблюдает за своими созданиями, следит за тем, что они принесли в мир, как его изменили... Как меняют мир работы Владимира Глухова? В первую очередь завлекают яркой красочностью, ловят внимание, удерживают его на себе. Во-вторую очередь – глубокой. Они заставляют задуматься: в какой момент вдруг наша Родина, «страна, в которой никогда не заходит солнце», в столице которой был полдень, а в Петропавловске-Камчатском в тот же момент – полночь, страна, в которой все люди были братья и народы были братские, распалась на эти странные составляющие. В какой миг мы стали не другими и не «другами», но чужими и почти врагами? Зачем нужны гражданские, страшные, братоубийственные войны?

Ведь есть Восток – Зульфия, и есть Россия – Вася... И есть великий по своей простоте и глубине манифест художника Владимира Глухова, авангардиста: «Пусть поженятся уже, наконец».

P.S.

Пожалуй, самое интересное впечатление было у меня от выставки работ Владимира Глухова в MORA (Museum of Russian Art) в Нью-Джерси, США. Сам музей был основан фигурой знаковой, почти легендарной, – коллекционером и диссидентом Александром Глейзером и назывался изначально «Музей русского искусства в изгнании», впоследствии переименован в MORA. С момента основания до настоящего времени Музей MORA, его правление, кураторы и искусствоведы находятся в поиске самых передовых, свежих идей, выбирают самые яркие, самые глубокие темы. Влади-

мир Глухов – осознанный и тщательно проработанный, хотя и непростой их выбор. Они увидели в нем авангардиста – художника, который своей идее опережает время, чувствует тенденцию, ее передает и... отличается от всего того, что именуется искусством современным, актуальным или концептуальным. Время подтвердит или опровергнет их мнение. Но ошибок у них пока не случилось.

Юлия Вербицкая, коллекционер, меценат.

Президент Фонда «Русские меценаты».

Шелка времен – бессонница интеллектуала

Качим-кермек – так по-таджикски звучит название степного перекасти-поля, и так называет себя художник Владимир Глухов.

Качим-кермек – восточные сны далекой Сибири. Яркие-преяркие, цветные-прецветные большие картины художника Владимира Глухова объединяют времена и стороны света, сплавляют и сращивают слои в цветную каплю росы евразийского искусства. Такие художники, как Владимир Глухов, чудесным образом в новых, совершенно иных обсто-

ательствах хранят язык и воздух родного края. Этот оставленный край и сам по себе уже перекечевал в некое новое, совершенно другое качество, в котором мечтательно эротизированное искусство таджикской живописной школы советских времен теперь уже невозможно в силу новых этически-религиозных обстоятельств.

Живопись Владимира Глухова, как по месту его рождения, так и по мироощущению, давно является частью общекультурного азиатского пространства, где суровые нравы и древние обычаи уживаются с тончайшей философской лирикой. Осев в снежной Сибири, Владимир Глухов остается мастером родом из Средней Азии. Его рисунки идеально точны, живы и правдоподобны. Его картины, рисуй он одну Среднюю Азию, были бы, возможно, совсем непонятны, но он рисует еще и сибирскую Россию, и тогда, сравнив серое с фиолетовым, можно понять, что Глухов обладает особым зрением. Он смотрит, смотрит и вдруг – видит! И странно наклонные, как геологические пласты, небеса дают нам знать, что Глухов видит что-то необычное.

Владимир Глухов – из самого молодого поколения советских таджикских художников.

Это третье поколение советских художников в Таджикистане и первое, в творчестве которого преодолён дуализм советское/таджикское. Нет уже никакого советского, зато есть точное представление о том, что всё – это чудо чудесное, и красота, и экзотика необычайная, такая сказочная, какая

только во сне в горах и может привидеться. Это чистое сокровище зрения, к которому художник прибавляет еще иногда сокровища притч.

В небольших комментариях Владимир Глухова к его картинам мы обнаруживаем мудреца и поэта, и, хотя художник говорит, что объяснение картины словами – неправильный подход, все же кажется, что в его случае притчи и описания образов, появляющиеся иногда под нажимом коллекционеров как сопровождения к картинам, не только восхитительно уместны, но и позволяют шире проявиться восточному характеру творчества этого прекрасного художника. Как в персидских стихотворных сборниках-диванах, как в японских веерах, как в древнегреческих вазах – слово и изображение дополняют друг друга, и одно оживляет и расцветчивает другое.

Вот, например, программное произведение Владимир Глухова «Оазис» – парадный портрет пейзажа, гимн, ода. Бывает, и правда, такое состояние воздуха в горах, что кажется – можно погладить, как шерстку, огромный лес на противоположном краю ущелья. Эти горы пустынные, засушливы и обитаемы; свидетельство художника о том, что протоконструкцией пейзажа здесь стал образ девушки, превращает гимн и оду в сонет и даже в мечту. Известный по исследованиям искусства средиземноморских арабов принцип скрытого антропоморфизма работает и здесь, в картине Глухова. Оазис как эпитет любви и оазис как географическое яв-

ление, соединяясь вместе, кружат голову легковерного зрителя, собравшегося было успокоиться душевно в созерцании простого мирного пейзажа.

Художник знает толк в тенях и контражурах. Он легко и с удовольствием передает ситуацию, невыносимую, например, для фотоаппарата, когда в глубокой тени видно всех людей и их разговоры, и на дальнем плане в ярчайшем свете так же видны все цвета и вибрирующий воздух.

Как это ни странно, Глухов действительно наследник и фовизма, и Машкова, и Волкова. Надо только в это вникнуть, чтобы физически почувствовать стеклянную гладь шелка и скользящую цветную прохладу небес, земли и гор в картинах Глухова. Французский фовизм ведь тоже родился в конечном итоге из солнца и полощущихся на средиземноморском ветру морских флажков и парусиновых брюк.

«Весна, Навруз», «Memento mori» – всё просто. Пока красивая и молодая – помни о вечности и будь мудрой... Старухи-парки, пляшущие вокруг, как напоминание. Бесовки этакие. Там много смысловых планов. Картина – тогда картина, когда она многопланова, и рассказать о ней подробно просто нереально. Так, о поверхности смысла, еще можно.

«Сретение» посвящается учителю, А.Н. Волкову. Совмещение двух сюжетов – «Сретения» – встречи и «Бегства в Египет»; вместо храма – горы. Как и в картине «Навруз», девушка, и хоровод женщин вокруг нее, и цветущее дерево рядом – это горы, горные хребты и весеннее дыхание гор. Гор-

ный Глухов даже сибирского Васю, которые – в этом Глухов абсолютно прав – есть везде, распространяет на горах. Для него горы – женская сущность, Великая женственность, как говорили старшие современники Волкова Блок и Соловьев. Они, правда, говорили это о России, а не о горах, но имели в виду, мне кажется, примерно то же, о чем грохочет Глухов своими очень яркими красками.

«Хороший человек Саид»

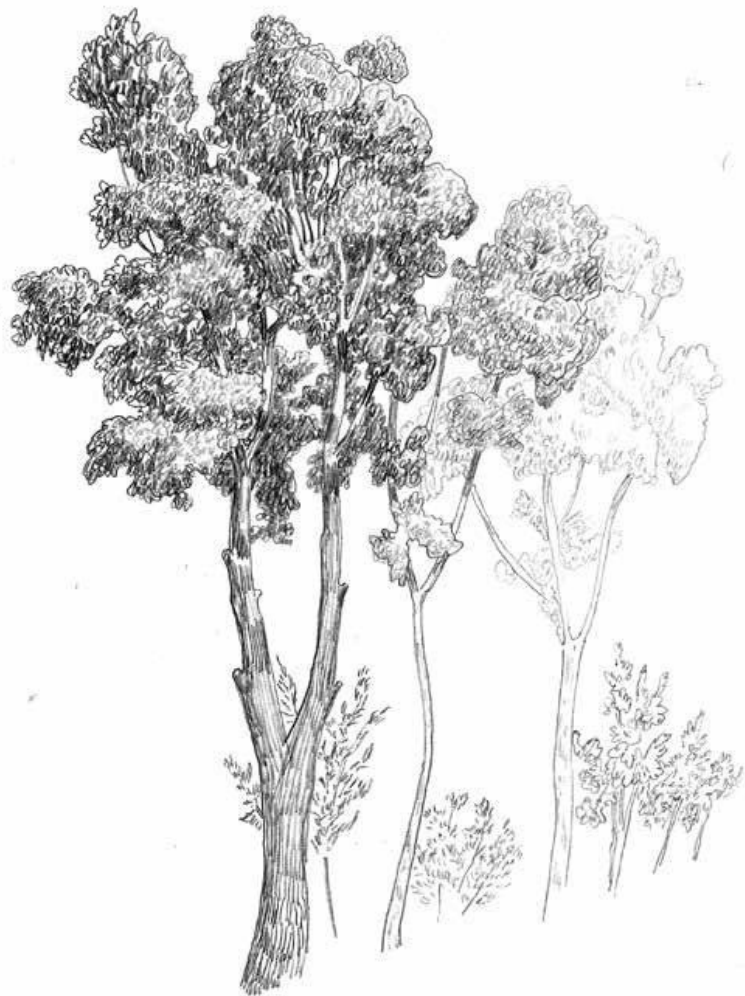
Есть в творчестве Владимира Глухова и в нем самом еще

один блеск, о котором исследователи почему-то почти не упоминают.

А между тем этот блеск, этот слой, эта тема многое в восприятии живописи художника ставят на свои места. Ведь все его родственники, учителя, предшественники и предтечи – Бесперстов, Петров-Водкин, Волков... – художники очень деликатной кисти, и Глухов рядом с ними горяч как доменная печь. Как это могло получиться? Мы ничего до этого момента не говорили о времени, о поколении, из которого родом наш художник, а это ведь эпоха ничуть не менее узнаваемая, чем великие 1910-е и 1920-е. Радостный воздух вседозволенности и беспочвенности перемен 1980-х, полный улет и настоящий отрыв, но какой-то породисто катастрофический – это характер эпохи, коллективный портрет, который составляется, конечно же, из определенных супергероев и их суперпроизведений. Владимир Глухов из них. Абсолютно безбашенный, потому что стартующий с очень высокой платформы, практически зиккурата культуры XX века, полупрозрачной мудрости отцов (в данном случае дяди), хранивших в характере стиль и достоинство, глубину и ответственность классического изобразительного искусства и искреннего новаторства дедов, красавцев-исполинов – первооткрывателей Азии для художественного мейнстрима.

Кузьма Петров-Водкин, конечно, никому из художников Таджикистана не родной дед, но сам он из саратовских суровых, великих и древних степей. Ветры Поволжья развеяли

над степью всё, что там было человеческого, остался один дух, а вот в Туркестане они – Петров-Водкин и Волков – обрели древность такую же, но не развеянную, сохраненную горами и арыками, то есть укрощенной водой. Обрели и обрадовались, как обретению друга из детства, как попаданию в неведомые земли, но такие свои, такие узнаваемые в каждой своей черте, такие понятные, восстанавливающие разрушенный и утерянный генетический код евразийских степей. В петров-водкинских текстах «Самаркандии» это слышно и восхитительно: бурлящая радость узнавания – в неведомом, нежного и женского – в суровом, прекрасного – в древнем.

Глухов согласен с радостью Петрова-Водкина, но не может разделить его отношения к экзотике. Для него не экзотично, а естественно то, что его окружает, он в этом родился и вырос. Для него это радостно. Радостно потому, что в жизни и в молодости есть много радости естественным образом. И вот, выкручивая ручки на максимум, как говорят музыканты, Глухов будто кричит Петрову-Водкину, да, кстати, и всем остальным: «Ребята-а-а-а! Да бросьте вы осторожничать! Смотрите, красота-то какая!» Получается, естественно, немного слишком громко, но зато выразительно. Очень ярко! При этом сбалансированно – это важно. Ветер есть, но он ничего не искажает. Горы есть, но они никуда не уползают. Земля и девушки – всё на своих местах, как цветы в сюзане, в безошибочно четкой орнаментально-цветовой системе древнейших евразийских земель, сохранившейся почему-то лучше всего именно в горах Средней Азии.

Пульсация времени в изображении – пульсация цвета, покорно вибрирующего там, где его положили, потому что он, цвет, знает: древность, она же вечность, суеты не то чтобы не терпит, она ее просто не сохраняет.

Картины Глухова, будучи искусством не про экзотическое, а про обычную нормальную жизнь, при этом очень эзотеричны. Их нельзя понять, не зная обстоятельств. А понять стоит. Когда видишь картины Владимира Глухова своим простым североевропейским взглядом, то реагируешь на

их яркость, конечно, и основательность (тоже приятно). Ассоциации: Тибет, туареги, пустыни, высоченные горы, древние народы, жизнь поколениями в экстремальных условиях, солнце – яркие, практически люминесцентные цвета.

Но в картинах Владимира Глухова есть качество, традиционным искусствам не свойственное: основательность формы, ее круглость. Это выдает в нем европейский, ренессансный, средиземноморский ген, какую-то упругую пост-античную соразмерность, уверенное дыхание мира, в котором все обозримо и все естественно.

Это просто восхитительно! В этих картинах почти нет меланхолии – щемящей тоски несоответствия этноса, времени и обстоятельств, столь характерной для живописи советских восьмидесятых, представители которой осознавали, что сколько эликсира культуры ни пей, гнилую советскую платформу под ногами не укрепишь и веры в настоящее, как у шестидесятников, нет, и надежности от прошлого недостаточно, как у художников поколения Пегрова-Водкина.

Глухову повезло родиться так, что в восьмидесятых он совпал только с радостью и с вольностью, ну еще с СССР, что в данном случае метафора стабильности. Глухов из того поколения, которое совершенно непонятно почему вдруг раз – и, как по мановению волшебной палочки, задышало совсем другим воздухом, чем все остальные, еще за секунду до них. Он того поколения восьмидесятых, для которого, внешне неожиданно, сработали механизмы бахтинской

карнавализации культуры, и оковы условностей и огорчений, пусть временно, растворились, уступив место равноправию карнавала, искрометности и бесконечной энергичной красочности палитры. И это не культурная красочность живописи старшего поколения таджикских художников, где благородные цвета аккуратно погружены в естественную глубину световоздушной перспективы музейного уровня, нет! Это диско! Это, может быть, даже аэробика! Это наслаждение возможностями времени большого карнавала, который на Западе скучно называют пост-модернизмом, а надо было бы назвать ребячеством, когда вся мировая культура превратилась в игру, игру с мировым наследством. Отметим при этом, что Глухов настроен очень серьезно. Его живописная техника и отношение к делу, вообще-то, прямо монашеские, ренессансные.

В картинах Глухова это восьмидесятничество, конечно, есть. Наслаждение сознанием освобождения от условностей старого мира, наслаждение сознанием безграничности возможностей, и лишь проскальзывает странная мысль: не мы это выдумали, и не нам этим в будущем наслаждаться. Но это слегка, просто от всезнания, что-то вроде легкого головокружения – до потери, правда, каких-либо ориентиров. В такие эпохи шекспировские возможности никто не отменяет, но их перестают бояться и, может быть, даже специально – это придает размах. А шекспировские возможности ждут до поры до времени и раздражаются, в конце концов, вихрем

трагедии, может, даже более пронзительной, чем обычно. Такова жизнь поколения 1980-х, таков во многом и Глухов.

Это штрихи к портрету поры золотых удач Владимира Глухова, но есть другой аспект – эзотеричность (кстати, восьмидесятым также исключительно свойственная). Чтобы понять живопись этого таджикского художника, надо вникнуть в совершенно другие обстоятельства, чем европейские парадигмы, надо переключиться на Среднюю Азию, на древние Согдиану и Бактрию, на шелк, хлопок, разговорный таджикский, сюзане и амбру. И тогда картины Владимира Глухова внезапно освобождаются от условной застылости и как бы малоподвижной древности – они вспыхивают искрами солнца и начинают шелестеть и шуршать складками так узнаваемо экзотичного, но теперь становящегося понятным среднеазиатского шелка. Его разводы, полосы и переливы, его многоцветность, абстрактность и искрометность – все это небесного свойства, и я, честно говоря, поняла это только благодаря картинам Владимира Глухова.

P.S.

Вятско-камский глаз нашего оператора Жени увидел в картинах Глухова северное сияние. И с ним нельзя не согласиться, но если северное сияние – это феномен высоких широт, то цветные небеса Владимира Глухова – продукт высоких гор, и справедливо искусствоведы приходят к выводу о райском высокогорье, но мы больше согласны здесь с «высокогорьем», чем с «райским»: всё-таки художник очень часто в своих комментариях говорит о лисах, демонах, снах и плутах.

Елизавета Плавинская, искусствовед.

«Мультикультурализм» Владимира Глухова

Азию я понял, когда в Пенджикентераз в автобус вошел – там сидела женщина-таджичка, платком закрыто пол-лица, и тут я понял: вот это Азия! Глаза есть, но молчит! Через эту полузакрытость я мгновенно тогда все просек, Владимир Глухов.

В утверждении художника и литератора Владимира Глухова совершенно верно раскрыта система ментальности,

способ взаимодействия Востока с миром, основанные на двух противоположностях – барин (внешнее) и захир (внутреннее). Они-то и консервируют энергию в естественной двуликной нише, не позволяя совпадать видимому и реальному. Истинное находится внутри объекта, оно словно скрывается под красочным слоем, а потому внешний образ обманчив и малоинформативен. Вся жизнь и искусство Востока пронизаны этой амбивалентностью, и данный дискурс является неотъемлемой частью произведений Глухова.

Двуединство личности художника проявляется во всем его творчестве, в котором как бы сосуществуют два полюса: Восток и Сибирь, как равновесие неравных, но эквивалентных противоположностей. В силу этого он постоянно ведет два диалога: первый – с национальной восточной традицией, из которой происходит, другой – с тем миром, в котором ныне существует. И каждая сторона нуждается друг в друге, как в зеркале, в котором они могут отражаться.

Восточные темы Глухова – это упоение солнцем, маревом, гедонистической чувственностью, сибирская же серия – это скорбь и сострадание, словно почерпнутые художником из русских икон с изображением Богоматери.

Если на Востоке его влечет общинность, коммунизм несколько пассивного и углубленного в себя социума, по природе своей интровертного, то в Сибири, скорее всего, – соборность и расточительная энергия ее обитателей-экстравертов.

В сибирских композициях Глухова все мощно, лаконично, изображение сжато до предельной эмоциональной напряженности, как, например, в картине с красным Икаром («Вася-Икарушка»), где космический аспект мироощущения так органично слит с житейской повседневностью. Восточные картины – это восхитительные созерцательные фантазии, нередко с мифологическими образами из других культур, а потому трудно понять, являются ли они отражением эмпирической реальности или же дискурсивным полем. Но и среди них порой появляются неожиданные трактовки традиционных героев, например Ходжи Насреддина, состояние которого неоднозначно, подобно наваждению, граничащему почти с безумием.

Любое событие в картинах Глухова уникально и неповторимо, несмотря на, казалось бы, повседневный его характер. Он отчаянно стремится сохранить человека в центре культурного круга. Однако и в восточных, и в сибирских сериях художника тотально отсутствует индивидуальное «я» героев, что не раз было подчеркнуто и самим художником, который писал: «Я Тюмени благодарен за образ Васи, это совершенно реальный был Вася... А потом – посмотрю на многих (вот на Ельцина), да это же Вася!»

Персонажи его картин в принципе неказисты, в некотором роде стереотипны, житейски узнаваемы. Они заключены в некую структуру «праведной повседневности», представленной в своем оригинальном контексте фольклорно-эпиче-

скими средствами. В Сибири Глухова влечет уравнивание «святого и бесовского», смятение человека, сиюминутное воздействие его желаний и привязанностей на собственную судьбу. На Востоке художника манит периферийная область, в которой сохранилась архаическая культурная среда и где многое до сих пор принимает форму культового действия. Попадая в нее, он обретает чувство сопричастности исторической родине, включенности в неповрежденный пространственно-временной континуум исконной таджикской культуры.

Несомненно, Владимир Глухов рожден интеллектуальной и художественной средой Таджикистана 70-90-х годов XX века, временем культурного пробуждения и великих археологических открытий на его территории: буддийский монастырь Аджина-тепе с самой большой фигурой спящего Будды, «восточные Помпеи» Пенджикента, грандиозный и несравненный храм огня на Тахти-Сангине, которые до сих пор влекут исследователей всего мира. Отсюда его любовь к выдающемуся археологу Игорю Рубеновичу Пичикяну, который более двадцати лет работал на юге Таджикистана, изучая памятники Бактрии. Да и отец Глухова Иван Алексеевич, казахский мальчик, воспитанный русскими и ставший академиком-химиком в Таджикистане, не мог не оказать духовного воздействия на сына. Отец Владимира и его академическое окружение, по сути, формировали интеллектуальную среду страны советского времени.

Художник помнит то время, когда после развала СССР грянула в Таджикистане гражданская война (1992–1997 гг.), а вслед за обретением страной политической независимости в ней появились представители Запада, которые бешено скупали произведения таджикских мастеров, удивляясь тому, как в этом геополитическом тупике может существовать такая живописная школа. Словом, Глухов формировался в некоем вихревом потоке сдвига и смещения, сплава различных культур, открытости, нового ощущения культурной истории. Он не только оказался в эпицентре всех перемен и событий, но нередко и сам становился их участником.

Владимир Глухов принадлежит к поколению таких ярких деятелей таджикской культуры, как кинорежиссер Бахтиер Худойназаров (киноленты «Братан», «Кош ба ош», «Лунный папа») и нонконформист Махмуд Ганиев, своего рода таджикский Анатолий Зверев. Все они способны ощущать жизнь как хаос, соединять одновременно иронию и сарказм, смех и плач, эпатировать своими эксцентричными выходками, никогда не опускаясь до отчуждения себя от традиции. Поэтому Глухов, как и они, противостоит массовому сознанию, ориентированному на социальные штампы, культурные нарративы и её стереотипы.

Не связанные сюжетно произведения художника составляют единый образный ряд, в основу которого положена творческая раскованность и свобода воображения, стилевое многоязычие, стремление выразить нематериальные катего-

рии – эмоции, ощущения, настроение, внутреннее беспокойство. Он любит использовать плотные, насыщенные тона, открытые, интенсивные цвета, часто локальное распределение красок на холсте. В его изобразительном языке отсутствует дробность и линейная жесткость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.